

Размышления над новой книгой

© 2018 г.

П.Н. КОНДРАШОВ

КАКАЯ ИДЕОЛОГИЯ НУЖНА РОССИИ И НУЖНА ЛИ ВООБЩЕ? (О книге «Россия в поисках идеологий»)

КОНДРАШОВ Петр Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия (pnk060776@gmail.com).

Аннотация. В рецензии представлен анализ результатов исследований идеологии как социально-политического регулятора современных обществ. Авторы рассматривают современную мир-экономику как незавершенный модерн, поэтому необходим не переход к постмодерну обществу, а глобальная радикализация модерна. Поскольку идеологии имманентны модерну, то сегодня рано говорить о «конце идеологий», напротив, идеологии будут играть более существенную роль, чем ранее. Они сегодня выполняют прежде всего функцию обоснования и легитимации моральных ценностей. Идеология – это уже не политический проект, а ценностный регулятор. Если в будущем осуществится переход от мир-экономики (ориентированной на *homo oeconomicus*) к мирополитике (основанной на идеалистической политике всеобщих ценностей, доверия, делиберативной демократии), произойдет также и смена неолиберальной метаидеологии на другую, вероятнее всего, метаидеологию коммунитаристскую.

Ключевые слова: идеология • ценностные регуляторы • модерн • мир-экономика • мирополитика • радикальная модернизация • глобализация

DOI: 10.31857/S013216250002170-0

Проблема идеологии в последние десятилетия ушла не только из науки, превратившись в объект самых разнообразных исследований «по приколу» [Investigating Shrek, 2011], но даже и из политики. Нужны ли идеологии сегодня? Нужны ли они России? И стоит ли их «искать»? Если они и существуют, то что собой представляют и какие функции выполняют? На все эти вопросы попытались ответить социологи и политологи из Института философии и права УрО РАН в рецензируемой монографии¹. Сразу оговоримся: монография интересна тем, что носит междисциплинарный характер, и обсуждаемые проблемы рассматриваются с точки зрения социологии, политологии, экономики, философии, экономики, футурологии, этики, даже литературоведения.

Несмотря на то что авторский коллектив попытался создать единый взгляд на обсуждаемые проблемы (с. 14–16), в силу различного понимания основных понятий разными авторами это не удалось. Поэтому представляется необходимым, во-первых, осуществить реконструкцию общей логики замысла; во-вторых, провести

¹ Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.

критический анализ авторской концепции и выделить те моменты, которые в силу непонятных причин оказались за рамками представленного исследования.

Реконструкция концептуальной логики. Первый радикальный тезис, с которого начинают своё исследование авторы, гласит: мы до сих пор живём в эпоху незавершённого глобального модерна (ибо ещё не все страны реализовали основные его цели: тотальную индустриализацию, всеобщее образование, здравоохранение, переход от деревни к городу, построение демократической политической системы), и поэтому сегодня на повестке дня стоит задача не в некоем переходе к постиндустриальному обществу, а в *радикализации модерна*, предполагающей «втягивание» всех стран мира в общество современное. И действительно, сегодня не существует глобального модерна: постиндустриальный сегмент – всего лишь «момент» в экономиках глобального центра (с. 21).

Второй тезис: *идеологии имманентны длящемуся модерну*, они «выполняют функции легитимации политического порядка и обоснования общественной морали» (с. 9), т.е. оказываются *ключевым механизмом регуляции*. Поэтому всякие теории о «деидеологизации» и «конце идеологий», выдвинутые в 1960–1970-е гг. (с. 145–153), когда только-только появились проблески «постиндустриального общества», сегодня не просто преждевременны, но и не имеют под собой никакой экономической, технической и социальной базы.

Наиболее важный вывод, к которому приходят авторы, и который резко контрастирует с постмодернистскими учениями о «конце идеологии», состоит в том, что «в современном мире идеологии играют ещё большую роль, чем прежде» (с. 62). Сегодня мы наблюдаем своеобразный процесс движения «от конца идеологии к её глобальному возвращению» (с. 144–157).

Другое интересное положение состоит в том, что в эпоху позднего модерна произошла *ценностная инверсия*: идеология и мораль поменялись местами, и идеологии, взяв на себя функции, ранее осуществляемые религиями и светской моралью, отныне выступают в качестве социальных и моральных регуляторов современных (модерных) обществ (с. 10).

В современном длящемся модерне на место классических идеологий (консерватизм, либерализм, социализм), которые выражали интересы различных социальных групп, приходят *метаидеологии* – рамочные идеологии, определяющие «правила игры» для всех, «открыто не вставая на чью-то сторону в конфликтах» (с. 160), являющиеся не только политическими проектами, но и *моральными регуляторами* (с. 19, 23–24, 129, 132).

На современном этапе развития мир-системы доминирует *неолиберальная* метаидеология. Но сегодня становится очевидным, что неолиберализм и протекающий по его правилам процесс глобализации вступил в фазу кризиса. Какая же метаидеология придёт на смену неолиберализму? Авторы считают, что наибольшие перспективы на эту роль имеются у *коммунитаризма*, который даёт «некоторые основания для оптимизма» (с. 331).

Весьма интересной и продуктивной, на наш взгляд, является идея авторов о том, что становление новой метаидеологии – это *конститутивный* (а не конструктивный) процесс: метаидеологию не «конструируют», а она сама формируется в национальных и глобальных процессах. Все метаидеологии первоначально возникают как обычные идеологии, затем экстраполируются на те общества, в рамках которых они оказываются *эффективными институциональными экономическими и моральными регуляторами*, и только затем распространяются на весь мир в целом, подчиняя себе глобализационный процесс. Такова, например, была судьба *неолиберализма как метаидеологии*.

С точки зрения авторов, исторически модерн проходит следующие стадии развития:

– эпоха *изначального, классического европейского модерна*, связанного с капитализмом, представительной демократией и национальным государством;

– эпоха расширения изначально европейского модерна на иные социокультурные регионы (с. 37);

– эпоха региональных объединений и союзов (ЕС, СНГ, НАФТА, ВТО), выходящих за рамки наций-государств (с. 41);

– эпоха глобального модерна и мирополитики. На этой будущей стадии мир-экономика перестанет диктовать свои условия (неолиберальные ценности и поведение *a la homo oeconomicus*) и глобализация начнёт протекать в рамках мирополитики, т.е. будет регулироваться наднациональными, универсальными ценностями и институтами, направленными на повышение морали и создания благоприятных условий для всё большего жителей планеты. Именно в этот переходный период неолиберальная метаидеология вступит в полосу структурного кризиса и постепенно начнёт вытесняться и замещаться коммуитаристской метаидеологией, которая пока носит маргинальный характер.

Основной мыслью авторов, на наш взгляд, связанной с переходом от мир-экономики к мирополитике, является идея о том, что механизмы и институты мир-экономики регулируют только лишь экономические структуры (с. 4) в то время как глобальные тенденции предполагают использовать «идеалистическую политику, основанную на доверии и общности ценностей» (с. 42).

«Фактически в глобальном мире, – совершенно верно пишут авторы, – всё более выигрывает и в практическом, и в символическом плане тот, кто может предлагать и институционально поддерживать правила игры, не искаженные ограниченными национальными интересами. Это проекты и стратегии, в основе которых лежали бы не только экономические интересы, но и новая политическая этика, основанная на доверии, на разделяемых всеми участниками взаимодействия нормах права, морали, политики» (с. 271).

Важнейшими, оригинальными и эвристически значимыми моментами здесь, на наш взгляд, является: (1) то, что мирополитические тенденции уже сегодня выходят за рамки отдельных наций и превращают незавершённый модерн в космополитическое целое; (2) мирополитика оказывается уже не столько экономической или политической, а сколько этической системой, в рамках которой новая метаидеология (например, коммуитаристская) будет выполнять функции морального институционального регулятора, основанного на универсальных ценностях.

Но что мы наблюдаем в свете обрисованной глобальной перспективы в России? Вместо того чтобы смотреть в будущее и ориентироваться на реальные тенденции, имеющиеся в мире, у нас доминирует стратегия поиска уникальной идеологии для России. И авторы на самом различном материале (фантастика, логика пессимизма, русская идея, русский мир, День Победы, идеи «возрождения» России через возвращение к эпохам СССР, Российской империи, неофеодализм и т.д.) критически показывают, что это – тупиковый путь, ибо в такого рода «поисках» («конструированиях») будущее всегда видится из перспективы прошлого.

Что касается разрыва между мировыми тенденциями к тотальной диверсификации проекта модерна и российскими антимодерными настроениями, то авторы пишут: «Противоречивым сплавом реальных практик полупериферийного капитализма и псевдомодернизационных риторик российских элит становятся различные идейные химеры, в которых постматериальные ценности и потребности самореализации, доверия, заботы о людях и природе, открытости изменениям пытаются реализовать в домодерной форме» (с. 330).

В свете всего этого авторы считают, что сегодня успешность идеологической модернизации подразумевает следование этически оправданным представлениям о желательном настоящем и будущем не только для отдельных социальных групп и России в целом, но и для человечества как такового. Общечеловеческое, универсальное должно имманентно сформироваться из глобального взаимодействия и общечеловеческого праксиса.

Критический анализ авторской концепции. Такова концептуальная логика монографии, которой в целом придерживаются все авторы, и которая в своих наиболее общих чертах не вызывает серьёзных возражений. Однако, коль скоро, с одной

стороны, «несмотря на постоянно наблюдаемые институциональные изменения глобального мира... мы... всё же имеем дело с Модерном» (с. 37), а с другой, речь постоянно идёт об эпохе *трансформации*, то у читателя возникает ряд серьёзных вопросов. Попробуем остановиться на некоторых важнейших моментах, которые были «упущены» авторами, но без анализа которых модель развития глобального мира и России в структуре этого мира, предложенная в монографии, представляется неполной.

Несмотря на свой базовый тезис, что современная эпоха – это время «доэстраивания» национального и глобализирующегося модерна до *модерна глобального*, авторы постоянно рассуждают о постиндустриальном обществе как о *некотором ближайшем будущем*, что явно входит в противоречие с их совершенно верной, на наш взгляд, установкой на констатацию *длящегося модерна*. Здесь, видимо, лучше всего вести речь о существовании неких «*локусов постиндустриального общества*», имеющих место в отдельных регионах центра мир-экономики, и количество которых будет постепенно расти в «теле» глобализирующегося модерна, как в своё время росли «*локусы индустриального общества*» в «теле» европейского феодализма.

Более того, в современной ситуации *имманентной трансформации модерна*, – для глобального модерна будут характерны и *новые моменты*, которые *не учитываются авторами*. Так, если модерн *ещё не завершён*, т.е. мир ещё не представляет собой тотальной мир-экономики, то говорить о мирополитике (которая возникает только как *всеобщая надстройка над глобальной мироэкономикой*) сегодня *преждевременно* даже на уровне некоего отдалённого будущего.

В связи с «догоняющей модернизацией» во многих регионах мира, где до сих пор господствует доиндустриальный сектор экономики, неизбежно будет наблюдаться рост национального самосознания и соответствующее усиление национального государства в противовес общей интеграционной тенденции мирового развития. Этот *конфликт* национализма и глобализации сказывается даже в самом центре глобализационного процесса: сторонники мирополитики не смогли удержать от центробежных тенденций наднациональные институты даже на уровне ЕС. А антимодерные настроения сегодня нарастают с куда большей силой, нежели настроения интеграционные.

В силу этого, как нам представляется, процесс перехода от *мир-экономики* к *мирополитике* будет весьма трудным и долговременным, ибо наднациональные политические институты будут *постепенно* (путём проб и ошибок) *надстраиваться* над экономическим и социальным базисом, который только сейчас формируется в процессах *длящегося модерна*.

Поскольку в рецензируемой монографии речь постоянно идёт об эпохе *перехода*, то в конце концов ожидаешь, что авторы предоставят описание возможных его сценариев. Но в тексте мы видим только лишь дескрипцию наличной ситуации, а собственно сам «переход» описывается общими словами, вроде «глобализации», «длящегося Модерна», «переходе от мироэкономики к мирополитике» (с. 37–44), «желательном настоящем и будущем не только для отдельных социальных групп и России в целом, но и для человечества как такового» и т.д. Но в явной форме такого описания нет. Авторы избегают говорить о некоторых «неприятных» аспектах, связанных с *переходом*, полностью игнорируя следующие важнейшие моменты любого перехода такого радикального характера.

Во-первых, совершенно верное диагностирование авторами современной ситуации как ситуации *длящегося модерна* влечёт за собой индустриализацию развивающихся и догоняющих стран, что, в свою очередь, детерминирует *усиление роли национального государства* и соответствующее усиление *классовой борьбы*. Но вместо фиксации этого *очевидного факта* авторы постоянно говорят о *консенсусе* во всех возможных областях и на всех возможных уровнях. Действительно, в современном мире радикально изменилась классовая структура общества и факторы его стратификации [Мартьянов, 2016], а социальные классы все менее релевантно описываются классическими понятиями буржуазии и пролетариата. Однако, несмотря

на фрагментацию привычных классов и общее ускорение социальных изменений, сами классовые противоречия **никуда не исчезают, несмотря на все структурные трансформации**.

Во-вторых, любой *переход* такого масштаба не может осуществиться без **революционных преобразований** как на национальном, так и на глобальном уровнях.

В-третьих, в каждой революции имеются свои **субъекты революционных действий**. Какая социальная группа сегодня может выступить в роли такого субъекта? Рабочий класс, творческий класс, «лишние люди», молодёжь и деклассированные элементы, исламские фундаменталисты, мигранты, экологические движения, альтерглобалисты, сетевое сообщество? Стоит учитывать и такой новый социальный феномен, как растущий *прекариат*, перспективы которого ещё не совсем ясны [Тощенко, 2015], но его системное недовольство своим неустойчивым положением в социальной структуре, несомненно, несёт в себе революционный заряд.

Обозначая поздний, высокий модерн как эпоху *перехода*, авторы забывают о том, что вся эпоха модерна – это эпоха *непрерывной трансформации* (в отличие от «рутинного» традиционного общества), и поэтому, на наш взгляд, в монографии не хватает чёткого анализа того, к какому обществу этот переход в данный момент осуществляется.

В разных главах речь идёт то о «глобальном коммуитаристском идеологическом повороте» (с. 15, 45), вероятном коммуитаристском обществе будущего (с. 10, 158, 162, 165–166, 331), которое будет обладать отличной от современного общества социальной стратификацией, в котором будут господствовать «братские отношения» (с. 166), которые сами из себя будут порождать принципы справедливости путём распространения делиберативной демократии и этики ответственности (с. 166–167); нематериальные ценности, потребности самореализации, доверия (с.с. 42, 44, 45–61, 182–186, 189, 271, 279), заботы о людях и природе (с. 26, 42), открытости изменениям (с. 166–174), то говорится о переходе к рентно-сословному обществу (с. 184, 330).

Всё это, по мнению авторов, предполагает *идеалистическую политику*, основанную на доверии и общности ценностей (с. 42). В ходе реализации такой политики происходит «преодоление классово-культурной, национальной ограниченности», упраздняется гоббсовско-шмиттовская логика страха, врага-друга, войны всех против всех, и, в конце концов, осуществляется кантовский проект «о всеобщем государстве, законодателями которого будут выступать все люди, составляющие человечество» (с. 44), а глобальное законодательство и глобальные институты реализуются во всё более универсальных нормах и институтах.

Заключение. Таковы, на наш взгляд, наиболее интересные идеи рецензируемой монографии. Но возникает вопрос: *так какая же идеология нужна России?* Авторы считают, что необходимо отказаться от антимодерных настроений и поиска «идеи» в прошлом, а ориентироваться на идеалистическую политику, направленную на рост морали и экономики «на повышение», когда такие ценности, как свобода, равенство, достоинство, согласие, здравоохранение, образование, удовлетворение базовых потребностей, отсутствие разделения людей по расовому, национальному, религиозному признакам, отсутствие деления на «элиту» и «быдло», станут доступными для всё большего и большего числа людей во всём мире.

Опираясь на такую идеологию, Россия «снова может стать местом рождения более эгалитарных принципов политики, взамен во многом исчерпанного неолиберализма» (с. 187). Хотя это слишком оптимистичный взгляд на роль России в глобальном будущем, но он схватывает одну из базовых интуиций авторов рецензируемой монографии: необходимо ориентироваться не на прошлое, а на будущее, на утопию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мартьянов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 139–148.

Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Investigating Shrek: Power, Identity, and Ideology (2011). New York: Palgrave Macmillan.

Статья поступила: 09.04.18. Принята к публикации: 04.06.18.

WHAT IDEOLOGY IS NECESSARY FOR RUSSIA AND WHETHER IT IS NECESSARY? (About the book «Russia in Search of Ideologies: the Transformation of Value Regulators of Modern Societies»)

Kondrashov P.N.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Pyotr N. Kondrashov, Candidate of Philosophy, Senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia (pnk060776@gmail.com).

Abstract. The review presents an analysis of the results of studies of ideology as a socio-political regulator of modern societies. The authors view the modern world-economies as unfinished modernity; therefore, it is not necessary to move to a post-modern society, but to global radicalization of modernity. Since ideologies are immanent for modernity, it is too early to talk about the «end of ideologies», on the contrary, ideologies will play a more significant role than before. Ideologies today primarily fulfill the function of justifying and legitimizing moral values. The ideology of today is no longer a political project, but a value regulator. When in the future there will be a transition from the world-economies (oriented to homo economicus) to the world-politics (based on the idealistic policy of universal values, confidence, deliberative democracy), there will also be a change of neoliberal meta-ideology to another, most likely, communitarian meta-ideology.

Keywords: ideology; value regulators; modernity; world-economies; world-politics; radical modernization; globalization.

REFERENCES

Investigating Shrek: Power, Identity, and Ideology (2011). New York: Palgrave Macmillan.

Martianov V.S. (2016) Social stratification of modern societies: from economic classes to rental groups? *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 139–148. (In Russ.)

Russia in Search of Ideologies: the Transformation of Value Regulators of Modern Societies (2016) Ed. by Martyanov V.S., Fishman L.G. Moscow: Politicheskaya enchiklopedia. (In Russ.)

Toshchenko Zh. N. (2015) Precariat – a new social class. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–13. (In Russ.)

Received: 09.04.18. Accepted: 04.06.18.